

УДК 101.1

DOI: 10.15372/PS20220204

О.И. Целищева**НАУЧНЫЙ ПРОГРЕСС:
ПАРАДИГМЫ КУНА vs. ПЕРЕОПИСАНИЯ РОРТИ**

В статье сопоставлены взгляды двух ведущих представителей современного релятивизма – Т. Куна и Р. Рорти. Показано, что различие ролей парадигм в развитии естественных наук у Куна и переописания в понимании человека в контексте гуманитарных наук у Рорти приводит к потере определенности в трактовке релятивизма. Более того, продемонстрировано, что при экспликации концепций развития наук это различие приводит к парадоксам, свидетельствующим о неадекватности релятивизма.

Ключевые слова: наука; прогресс; парадигма; переописание; Кун; Рорти

O.I. Tselishcheva**SCIENTIFIC PROGRESS:
KUHN'S PARADIGMS vs. RORTY'S RE-DESCRIPTIONS**

The article compares the views of two leading representatives of modern relativism, T. Kuhn and R. Rorty. It is shown that the difference between the roles of paradigms in the development of natural sciences in Kuhn and re-description in the understanding of man in the context of the humanities in Rorty results in a loss of certainty in the interpretation of relativism. Moreover, it is proved that when explicating the concepts of the development of sciences, this difference leads to paradoxes indicating the inadequacy of relativism.

Keywords: science; progress; paradigm; re-description; Kuhn; Rorty

Философское осмысление механизма научного прогресса, представленное в доктринах логического позитивизма 1930–1950 гг., подверглось критическому анализу и практически вытеснению со стороны представителей направления, которое провозглашало важность исторических обстоятельств развития науки и помещения ее в более широкий контекст человеческой деятельности. Наиболее известной фигурой этого процесса стал Томас Кун, книга которого «Структура научных революций» выступила своего рода манифестом нового движения [1]. Термин «парадигма» приобрел гораздо более широкое хождение

у представителей гуманитарных наук, чем это замыслил сам Кун. По его представлениям, книга должна была способствовать новому пониманию науки посредством исследования ее истории, в частности истории физики. Однако довольно быстро концепции парадигмы Куна нашлись «аналоги», среди которых довольно известными стали эпистемы М. Фуко [2] и словари Р. Рорти. Сопоставление Куна и Рорти не случайно, потому что оба мыслителя являются, пожалуй, наиболее известными представителями так называемого релятивизма. Если Куну приписывается релятивизм в понимании роли объективности и истины в науке, то Рорти – более общая установка на релятивизм в философии. Последнее обстоятельство неудивительно, поскольку Рорти использовал «машинерию» Куна в критике философского метода как такового¹. Сам Рорти полагал свой релятивизм родственным релятивизму Куна, с чем последний решительно не соглашался. Данная статья посвящена объяснению расхождения точек зрения на научный прогресс Куна и Рорти.

Движущей силой развития науки, по Куну, является смена парадигм. По Рорти, это смена словарей. Но механизм смены словарей у Рорти весьма своеобразен, не ограничивается сферой науки, а распространяется на каждый аспект и проект человеческого существования. Любые практика, действие, идея или заявление сделаны в рамках специфического словаря, культурных и личных основ, на которых базируются убеждения, действия и практики. Такого рода смена словарей именуется у Рорти переописанием. Эта концепция играет важнейшую роль в философии Рорти, поскольку его занимает не столько сама наука и ее усилия по пониманию внешней реальности, а рефлексия человека по поводу своего места в мире. Если цель науки состоит в получении правильного или истинного описания реальности, претендующего на единственность, то исследование человека не может ограничиваться поисками объективного описания. Больше того, такое ограничение приводит к интеллектуальной, культурной и личной стагнации. Дабы избежать этого, Рорти выдвигает концепцию иронизма и иронического переописания [7].

Концепция иронического подхода призвана объяснить необходимый характер смены словарей, по аналогии со сменой парадигм у Куна. Если у Куна смена парадигм объясняется наличием в научной теории

---

¹ *Целищева О.И.* Ричард Рорти: «маргинальный аналитический философ». М.: Канон+, 2021. С. 169–183.

все большего числа аномалий, то у Рорти смена словарей объясняется все более радикальными и постоянными сомнениями в словарном запасе, который никоим образом не ближе к реальности, чем чужие словари. Чтобы преодолеть эти сомнения и заново исследовать ситуацию, иронист использует переописание видения своего положения в ситуации, когда предыдущие описания не удовлетворяют его в том или ином аспекте. Иронист переделывает свой словарный запас, изменяя и модифицируя его до тех пор, пока он не будет работать в его текущей ситуации. Ясно, что этот процесс, как и постоянная смена парадигм, является сменой переописаний.

Хотя Рорти утверждает, что для него нет никакого различия в онтологии между человеком и природой и, стало быть, между социальным и естественно-научным знанием, в его произведениях последнее занимает весьма скромное место. Это выглядит довольно парадоксально в свете того, что Рорти действительно заимствовал методологию Куна в описании истории физики для своей категориальной системы [8]. Но при этом Рорти уверен в том, что концепция переописания при необходимости будет работать и в объяснении научного знания. Сама метафора переописания как приобретения нового знания с первого взгляда кажется вполне работоспособной в определенных обстоятельствах, но следует признать, что при применении концепции непрерывного переописания к науке человек сильно ошибается. В отношении научного прогресса, особенно революционного научного прогресса, нельзя просто переосмыслить существующие научные теории и ожидать, что в результате у вас будет новая концептуальная основа. Действительно, при этом неизбежный произвол в постоянном переописании не позволяет сделать главного, а именно признать, что одна научная теория лучше описывает наблюдаемые явления, чем другая. Очевидно, что пресловутый релятивизм Рорти в значительной степени проистекает из этого обстоятельства. Но, пожалуй, самым главным обстоятельством является то, что концепция переописания Рорти далека от того, чтобы объяснить реальную концептуальную динамику роста знания в естественных науках. Это обстоятельство не было бы таким важным для Рорти, если бы концепция переописания не претендовала на некоторого рода универсальность. С легкой руки представителей постмодернистской философии термин «иронический» перешел из литературной критики в науку, и теперь уже Дж. Хорган говорит об «иронической науке» [3], а сама история культуры обретает «иронический» характер.

Этот приписываемый науке характер имеет смысл в релятивистских схемах Куна и Рорти. В этих схемах отрицается концепция кумулятивной природы науки, согласно которой более поздняя теория включает предыдущую в качестве частного случая. Подробное рассмотрение истории науки за последние триста лет может служить полем для сопоставления релятивистской и «объективистской» концепций науки уже в таких терминах, как «дисциплинарная матрица» или «исследовательская программа». Но если эти термины имеют полноценный смысл в рассмотрении собственно научных теорий, а не просто используются как метафоры по поводу науки, то заимствование их для таких вещей, как переописание Рорти, сталкивается с рядом возражений.

Переописание буквально означает новое описание, и трудно было бы ожидать от последнего успеха в более полном понимании внешней реальности, если при этом не было бы гарантии, что переописание сохраняет дисциплинарную матрицу. Поскольку переописание имеет дело со сменой словарей или с расширением словаря, в конечном счете оно апеллирует к некоторого рода языковым играм. Это обстоятельство вряд ли можно оспаривать в отношении Рорти, так как его приверженность философии позднего Витгенштейна играет важную роль в его собственной философии. И хотя, как это подчеркивалось выше, и Кун, и Рорти являлись релятивистами, вопрос о влиянии на Куна концепции «формы жизни», или языковых игр, Витгенштейна до недавнего времени представлялся непростым.

В любом случае значимость переописаний Рорти зависит от того, признаем ли мы, что такие революционеры в науке, как Эйнштейн или Бор, играли в языковые игры в стиле Рорти, занимаясь изобретением «новояза», или метафорических ассоциаций с научными терминами. В этом смысле вряд ли изобретение новых слов может быть приравнено к изобретению новых теорий. Другими словами, релятивизм Куна и релятивизм Рорти – это не одно и то же по причине того, что «скальы» сопротивляются иронистам в гораздо большей степени, чем это представляется Рорти. Здесь имеется в виду название известной статьи Рорти «Томас Кун, скалы и законы физики» [8].

Широко распространено мнение о том, что концепция развития науки Куна воспринята неправильно, и прежде всего это точка зрения самого Куна. Собственно история науки у Куна переросла в новую философию науки, новизна которой заключалась, как это ни парадоксально, в том, что она выплеснулась далеко за пределы обсуждения научно-

го дискурса, став обычной темой гуманитарных дискуссий. Термин «парадигма», по выражению одного из критиков Куна, распространился по миру, как чума. Для гуманитарного дискурса несоизмеримость парадигм стала способом оправдания любого плохо аргументированного текста наличием у его автора «своей» парадигмы. Но помимо этого крайнего случая злоупотребления взглядами Куна, есть более тонкие интерпретации этих взглядов, и, пожалуй, наиболее интересной из них является как раз концепция переписания Рорти. Рорти полагает, что аргументы Куна подтверждают его собственные теории переписания, показывая, что любое революционное изменение в теории – это просто «изменение терминологии, в которой [формулируются] кандидаты на истину» [8, р. 176]. Эта точка зрения в значительной степени релятивистская, поскольку Рорти обосновывает, что «не существует единой модели хорошей работы в академической дисциплине», что «критерии хорошей работы менялись на протяжении всей истории и будут продолжать меняться» [8, р. 181]. Рорти описывает реализацию этого процесса во всех дисциплинах как «кунизацию». Поскольку Рорти далек от естественных наук, его утверждения допускают вольности в обращении к теориям Куна, и утверждения эти не являются ни обоснованными, ни точными.

Апеллируя к своей установке антиэссенциализма, Рорти выступает против дуализмов философской традиции и, как следствие, против удвоения онтологии. Фундаментальное расхождение между физическими и гуманитарными науками обусловлено, среди прочих причин, различием онтологий. С точки зрения Рорти, для физика такой онтологией выступают «скалы», т.е. мир физических вещей, объективность которых является для этого бесспорной. Другой онтологией выступает мир человеческих репрезентаций, включающих множество пропозициональных установок в отношении к онтологии физики. Область гуманитарных наук имеет альтернативную онтологию, предполагающую субъективность в самом широком смысле этого слова. Соотношение этих двух типов онтологий рассматривается самыми разнообразными способами, в соответствии с теми или иными предпочтениями, но антиэссенциалист Рорти делает более сложный ход. Он, следуя Д. Дэвидсону [4, р. 107], выдвигает аргументы в пользу одной онтологии, в которой есть «артефакты» сознания и «скалы» физического мира, а затем практически избегает каких-либо разговоров об этих самых артефактах.

Такая позиция, конечно же, вряд ли могла вызвать симпатии у Куна, и по этой причине «релятивизм» Куна и «релятивизм» Рорти на

самом деле являются разными концепциями. Соответственно, у них разные критерии понимания дискурсов, с которыми они имеют дело. В случае науки это различие может быть проиллюстрировано следующими примерами. Так, для Куна при всей несоизмеримости парадигм в нормальной стадии развития науки сравнение теорий является вполне понятной процедурой, в то время как для Рорти нет абсолютно никакого способа сказать, что одна научная теория лучше другой. Далее, если парадигмы Куна привязаны к истории, институтам, национальным культурам, то словари Рорти достаточно абстрактны, чтобы быть по-настоящему объяснительными в применении к науке.

В случае гуманитарных дискурсов различие между Куном и Рорти также существенно. Переописание Рорти есть, по сути, процесс введения новых понятий в старую концептуальную схему, причем это расширение не является консервативным, и поэтому новые понятия вводятся метафорами, аллюзиями, аналогиями и временами совершенно иррациональными средствами. Фактически иррационализм сдвига парадигм Куна имеет у Рорти аналог в виде приспособления нового словаря к старому, в виде процессов, которые гораздо более свойственны гуманитарным наукам, нежели естественным. Что касается Куна, то его «схождение» в гуманитарный дискурс ограничивается аналогией между сдвигом парадигм и гештальт-переключением.

Существенное различие между Куном и Рорти, точнее между сдвигом парадигм и переописанием, усматривается в понимании концепции научного прогресса. По Куну, в революционном научном прогрессе напряженность возникает тогда, когда нынешняя парадигма не в состоянии объяснить значительное множество наблюдаемых явлений, что фиксируется как возникновение аномалий. Разрешение последних состоит в преодолении этого напряжения с помощью новой парадигмы, которая лучше описывает наблюдения и должным образом объясняет недостатки предыдущей дисциплинарной матрицы. Что касается ирониста Рорти, то он довольствуется простым различием двух разных словарей. При этом отсутствует мотивация в отношении новой дисциплинарной матрицы, одним из предназначений которой является повышение точности предсказания и появление новых объяснительных схем. Цель последних состоит в том, чтобы одна парадигма предоставила более точное описание/модель проблемы (проблем), которая вызвала напряженность в рамках дисциплины, дала ответ, который лучше объясняет и включает наблюдаемые явления, чем ответ, данный другой парадигмой. Таким образом, путем сравнения результатов, полученных

с помощью разных парадигм, можно выйти за рамки простого различия и сделать четкое заявление о прогрессе – шаг, который релятивист Рорти не допускает².

В самом деле, Рорти не предлагает никакого механизма, который служил бы объяснению того, как и зачем появляется новый словарь, чем он мотивирован и чем он лучше любого другого нового словаря, если таковой имеется. Но как раз особенностью гуманитарного дискурса является наличие практически не ограниченных никакими критериями «художественных» вымыслов или фантазий, которые ничем не хуже для ирониста, чем обоснованные, непротиворечивые или подтвержденные объяснительные схемы. Позиция ирониста вполне понятна в этом отношении, потому что в конечном счете его основание зиждется на «кибицировании», свободном разговоре на произвольные темы. Философия Куна есть все-таки философия науки при всех его релятивистских обортонах, а философия Рорти оказывается «разговором человечества».

Сползание разговоров о вещах точных к разговорам о вещах более расплывчатых является четким симптомом определенного рода «редукции» научного дискурса к гуманитарному. Типичным примером дискурса у некоторых иронистов является не просто редукция, а *reductio ad absurdum*. Такая, что точный термин «общезначимость» или же «логическая истинность» (в некотором смысле логическая истина – высшая в иерархии истин дискурса) сводится иронистами к термину «справедливость», на том основании, что приемлемость логических истин как вообще истин есть следствие их приемлемости как справедливых, т.е. приемлемых для большинства людей. Терминологически это можно более точно отразить, если прибегнуть к английским оригиналам, как редукцию термина «valid» к термину «justice». Это можно представить как своего рода гротескные попытки радикального сведения научного дискурса к гуманитарному.

Есть еще один иронический аспект в подходе иронистов к объяснению смены научных теорий, особенно ярко проявляющийся в сопоставлении взглядов на этот счет Куна и Рорти. Смена парадигм Куна – весьма расплывчатый мазок в картине истории науки, где детали по большому счету отсутствуют. Есть некоторые общие соображения и примеры, которые убеждают отнюдь не всех историков науки, даже

---

² Целищева О.И. Ричард Рорти: «маргинальный аналитический философ». М.: Канон+, 2021. С. 190–191.

тех, кто в принципе не является сторонником представления о кумулятивном характере развития науки. Другими словами, трудно представить себе какую-то более или менее точную экспликацию процесса «сдвига парадигм» в самом точном дискурсе о развитии естественных наук. То есть существуют, конечно, превосходные работы по истории науки [5], но нет таких работ по собственно «механике» рассматриваемого сдвига. В общем-то, это вполне понятное обстоятельство, потому что введение в дискурс истории точных наук исторических рассмотрений не обещало точных картин.

Но если обратиться к объяснению смены научных теорий в духе Рорти, мы имеем противоположную картину. У него речь идет, как было указано выше, о смене словарей, и в частности, в качестве этапа этой смены, о введении новых терминов в старый словарь. А вот этот механизм допускает массу интересных экспликаций, требующих точных формулировок и логико-математической концептуализации. Здесь не место для развития этого положения, но в качестве примера можно привести типичный пассаж из такого рода концептуализаций: «Путем введения нового теоретического словаря и новых теоретических гипотез, включающих как старый, так и новый словарь, мы генерируем первые утверждения в качестве объяснений, в то время как последние утверждения могут быть сгенерированы как новые предсказания, посредством которых расширенная теория может быть проверена. Поэтому мы должны иметь в виду, что предпринимая теоретические расширения, мы можем не быть мотивированы в то время полным диапазоном необщезначимых утверждений (по модулю нерасширенной теории), которые сформируют семейство (включенное в расширение). Действительно, обычно от теоретических расширений, мотивированных желанием объяснить определенный диапазон закономерностей, требуется, чтобы они также генерировали предсказания, касающиеся других закономерностей, о которых создатель теории, возможно, еще не знает» [9, р. 377–378].

Этот весьма технический пассаж «выдернут» для иллюстрации парадоксальной ситуации, когда положение гуманитарного дискурса о научном прогрессе как смене словарей (в духе Рорти) имеет перспективы весьма точных экспликаций, в то время как положение более или менее значимого естественно-научного дискурса (в контексте его истории) не имеет таких экспликаций. Такая ситуация весьма много говорит о различии релятивистских конструкций Куна и Рорти.

В этом смысле использование Рорти подхода Куна для объяснения своих собственных релятивистских теорий является фундаментально дефектным. Насколько нам известно, наше объяснение расхождения Куна и Рорти является первым в литературе по соответствующей тематике. Есть и еще одно обстоятельство, отчасти упомянутое ранее. Рорти, опираясь на свою концепцию развития науки как смены словарей, или же «переописания», утверждает, что нет абсолютно никакого способа сказать, что одна научная теория лучше другой. Поскольку в контексте естественно-научного дискурса это выглядит достаточно абсурдно, Рорти скатывается к более «гуманитарному» объяснению, приравнивая научный прогресс к прогрессу моральному (т.е. фактически приравнивая истинность к справедливости). Ю. Хабермас, по признанию самого Рорти, считал, что Рорти «заходит слишком далеко в предположении, что наука и мораль, экономика и политика передаются процессом творения языком достижений точно в той же самой манере, что и в искусстве, и в философии» [7, р. 66].

Нельзя отделаться от впечатления, что Рорти и Кун оба предпочитают некоторого рода смешение двух видов дискурса, поскольку неопределенность, вносимая таким смешением, позволяет ослабить когнитивную значимость дискурса, чтобы сделать его приемлемым для релятивистских тезисов. Неравнозначность хороших научных теорий и плохой метафизики, которая нивелируется простой «сменой словарей», не делает картину смены научных теорий более ясной и понятной. Представляет интерес то обстоятельство, что Рорти не смущала «плохая» метафизика М. Хайдеггера, в значительной степени основанная на изобретении тем нового словаря и замене им старого. Данная гипотеза находит подтверждение в высказывании Н. Теннанта: «Когнитивная незначимость теории должна быть инвариантной. “Однажды тарабарщина, всегда тарабарщина” – это то, что логические эмпирики хотели сказать о бессмысленном метафизическом дискурсе. Для Карнапа было важно показать, что плохая теория не может намекнуть или придать себе лучший статус с помощью какого-либо хитроумного сочетания хорошего с плохим. Хорошая, терминологически чистая теория в физических науках, не придающая респектабельности терминам хайдеггеровской метафизики, не может быть переформулирована в сочетании с хайдеггеровской метафизикой таким образом, чтобы заставить кого-то уступить когнитивной легитимации терминов хайдеггеровской метафизики. Независимо от того, насколько хитроумные и грубые термины могут сочетаться с мягкими и честными терминами,

они останутся, по сути, разными мирами. Холизм не предоставляет убежища для изворотливого, раскрепощенного и свободного от феноменов языка хайдеггерианства» [9, p. 373].

Кун знал об опасно ошибочном подходе к научному прогрессу, воплощенном Рорти. Обсуждая природу сдвигов парадигмы и то, как они направляют будущие исследования, он говорит, что хотя «переописание старой теории в рамках новой теории может иметь некоторую полезность, в конечном счете этого может быть недостаточно для руководства исследованиями, если концепция не будет полностью разработана» [7, p. 15]. Для Рорти эта дискуссия предполагала выход за рамки философского диалога как относящегося только к философским проблемам взаимодействия с избранными дисциплинами.

Языки прошлой и нынешней парадигм не эквивалентны между собой, и, таким образом, переописание – это просто неизбежный возврат к текущим научным описаниям. Как лаконично выразился Кун, «нельзя перейти от старого к новому, просто добавив к тому, что уже было известно» [6, p.15].

То есть переописание в конечном счете не может обеспечить концептуального обоснования для объяснения революционного научного прогресса, поскольку оно утверждает, что можно прийти к новому, добавив к старому. Кун способен объяснить эту неудачу тем, что его теория для перехода от парадигмы к парадигме не допускает простого добавления знаний, но вместо этого требует пересмотра и переформулирования ранее принятых представлений в рамках конкретных дисциплин, а также тех, которые лежат в основе самой науки как культурной практики. В этом случае мы не просто добавляем новые знания, но и меняем сам способ, которым мы понимаем и интерпретируем результаты, существующие в мире, через научное повествование.

Литература

1. Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977.
2. Фуко М. Слова и вещи. М.: Прогресс, 1977.
3. Хорган Дж. Конец науки. СПб.: Амфора, 2001.
4. Davidson D. Inquiries into Truth and Interpretation. Oxford: Oxford University Press, 1984.
5. Crombie A. Styles of Scientific Thinking in the European Tradition: The History of Argument and Explanation Especially in the Mathematical and Biomedical Sciences and Arts. London: Gerald Duckworth & Company, 1994. Vol. 1–3.

6. *Kuhn T.* The road since structure // PSA 1990: Proceedings of the Biennial Meeting of the Philosophy of Science Association / Eds. by F. Fine et al. University of Chicago Press, 1991. Vol. 2. P. 3–19.
7. *Rorty R.* Contingency, Irony, and Solidarity. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.
8. *Rorty R.* Thomas Kuhn, rocks, and the laws of physics // Philosophy and Social Hopes. London: Penguin Books, 1999.
9. *Tennant N.* The Taming of the True. Oxford: Clarendon Press, 1997.

References

1. *Kuhn, T.* (1977). *Struktura nauchnykh revolyutsiy* [The Structure of Scientific Revolutions]. Moscow, Progress Publ. (In Russ.).
2. *Foucault, M.* (1977). *Slova i veshchi: Arkheologiya gumanitarnykh nauk* [The Words and the Things: An Archeology of the Humanities]. Moscow, Progress Publ. (In Russ.).
3. *Horgan, J.* (2001). *Konets nauki: Vzglyad na ogranichenost znaniya na zakate Veka Nauki* [The End of Science: Facing the Limits of Knowledge in the Twilight of the Scientific Age]. St. Petersburg, Amfora Publ. (In Russ.).
4. *Davidson, D.* (1984). *Radical interpretation*. In: Davidson, D. *Inquiries into Truth and Interpretation*. Oxford, Oxford University Press.
5. *Crombie, A.* (1994). *Styles of Scientific Thinking in the European Tradition: The History of Argument and Explanation Especially in the Mathematical and Biomedical Sciences and Arts*. Vol. 1–3. London, Gerald Duckworth & Company.
6. *Kuhn, T.* (1991). *The Road since Structure*. In: Fine, F. et al. (Eds.). *PSA 1990: Proceedings of the Biennial Meeting of the Philosophy of Science Association*. University of Chicago Press, vol. 2, 3–13.
7. *Rorty, R.* (1989). *Contingency, Irony, and Solidarity*. Cambridge, Cambridge University Press.
8. *Rorty, R.* (1999). *Thomas Kuhn, rocks, and the laws of physics*. In: *Philosophy and Social Hopes*. London, Penguin Books.
9. *Tennant, N.* (1997). *The Taming of the True*. Oxford, Clarendon Press.

Информация об авторе

Целищева Оксана Ивановна – кандидат философских наук, научный сотрудник Института философии и права СО РАН (630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8)
oxanatse@gmail.com

Information about author

Tselishcheva Oksana Ivanovna – Candidate of Sciences (Philosophy), Researcher at the Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (8, Nikolaev st., Novosibirsk, 630090 Russia).
oxanatse@gmail.com

Дата поступления 26.04.2022